

— Все эти годы они прятались в тени и не спешили показываться на глаза, потому что еще не накопили достаточно сил, чтобы тягаться с Управлением Юси. Ваше Высочество, не пора ли испытать их?

Цзян Нинье неторопливо произнес:

— На сцене павильона Чэнпин один за другим сменяются актеры. Раз уж кое-кто желает втянуть меня в эту смутную воду, я должен посмотреть, стоят ли они... и те мерзкие твари друг друга.

Ду Шунь на мгновение засомневался и сказал:

— Пару дней назад до меня дошли вести. Среди отряда, перехватившего и атаковавшего Пей Чжо у городских стен, была одна группа неизвестного происхождения — боюсь, это люди из секты Цинчжу. Но они действуют крайне осторожно и скрытно, выследить их невозможно.

— Вот почему с двенадцатого года Чжаовэнь, как мы с тобой это заметили, они до сих пор живы, — с горечью произнес Цзян Нинье.

— Но как бы то ни было, они наверняка положили глаз на Пей Чжо, — нахмурившись, продолжил Ду Шунь. — В Городе Цзи уже ходят слухи, будто Пей Чжо — трус и неблагодарный негодяй. Управление Юси разыграло эту карту слишком умно, и теперь Пей Чжо вынужден полагаться на них. Я опасюсь...

— Чего тебе бояться его? — Цзян Нинье не придавал этому значения и с недоумением спросил.

Ду Шунь тяжело вздохнул, и его серебристо-белые доспехи отбросили зловещий отблеск в сгущающихся сумерках. Медленно он произнес:

— Ваше Высочество, в событиях четырехлетней давности на Северных Границах виноват далеко не он один. Сначала он был уездным начальником Фуяо, а меньше чем за три года повел людей и отстроил город на той ледяной и бесплодной земле, превратив его в самое процветающее место во всем Северном Цчжоу. Позже, по дороге к новому месту службы, Хуа Бэнь как раз осаждали воины чи.

Если бы он не вступил в тот бой, это стало бы нарушением императорского приказа, служебным преступлением и навлекло бы на него проклятия тысяч людей. Но если бы он решил сражаться, ни одна армия на Северных Границах не осмелилась бы одолжить ему войско — оставалось лишь просить помощи у Города Цзи. И первыми весть тогда получило Управление Юси.

Цзян Нинье приподнял бровь:

— Так значит, Чжан Жохань помог ему выбрать набор войск в Дучжоу?

— Именно так. Он тоже действовал по принуждению.

— Ох, Ду Шунь, а Пей Чжо, пожалуй, понимает это лучше тебя, — медленно проговорил Цзян Нинье. — Приняв помощь, неизбежно придется возвращать долг. Раз уж он дал согласие тогда, пути назад уже не было. Независимо от того, был ли он вынужден в те дни, теперь он наверняка делает это добровольно.

Ду Шунь задумался на мгновение и спросил:

— Ваше Высочество хочет использовать его как клинок?

— Разве он не подходит? — в ответ спросил Цзян Нинье.

— Вы мудры, Ваше Высочество.

— И все же, Ду Шунь, с чего это вдруг ты заговорил в его защиту? — Цзян Нинье странным взглядом посмотрел на Ду Шуня. — Ты ведь сам говорил мне некогда, что мы с ним издавна в близких отношениях, так почему же он отказывается это признать?

Ду Шунь шумно втянул воздух и нерешительно произнес:

— Те слова молодого господина Пея тогда... вроде бы и не были ложью...

Высочество и впрямь никогда не звал Пей Чжо по имени А-Чжо.

Высочество также явно не соблюдал правила: в школу ходил далеко не каждый день, да и из-за своего благородного происхождения особой близости со всеми не водил.

Хотя то, что он поддерживал тесную связь с Пей Чжо, знали все, при детальном рассмотрении это оказывалось лишь слухами и сплетнями.

И тем не менее — что-то здесь было не так.

Ду Шунь хлопнул себя по лбу:

— Вспомнил! У Пей Чжо есть второе имя, кажется, в те времена только Ваше Высочество так его и называл.

— Какое?

— Вроде бы... Ланьцзэ?

Ланьцзэ.

...Пей Ланьцзэ?

Цзян Нинье беззвучно повторил про себя это имя, находя его смутно знакомым. Что-то готово было показаться наружу, словно распутываемый кокон, но зацепить нить никак не удавалось.

Ледяной дождь близился к концу, ночь уступала место яркому рассвету.

Ду Шунь зевнул и лениво усмехнулся:

— Так или иначе, я лишь надеюсь, что секте Цинчжу хватит ума не строить из себя умников и не навлечь беду на собственные головы, лишь бы не доставлять нам лишних хлопот.

Обернувшись, он заметил согбенную фигурку Цзяоцзяо у подножия ступеней, и на душе у него неожиданно потеплело. Напоследок он удивленно протянул:

— А куда это Вэй Тао подевалась? Неужто и вправду отдали ее в поместье Пей Чжо?

Цзяоцзяо бросила взгляд на Цзян Нинье и сдержанно улыбнулась:

— Та, что громче всех шумела, теперь у них.

— Тогда я точно не посмею наносить туда визиты.

— Чего бояться? Кроме Вэй Тао, разве в этом особняке не осталось двух немых? — Цзян Нинье не придавал этому особого значения.

Глядя на предрассветное небо за карнизом крыши, он вдруг почувствовал сонливость.

Прежде чем Чжун Цзяньбо добрался до переулка Юйцзя, он все это время сидел в карете и наблюдал. Эта фигура в пелене проливного дождя смутно вырисовывалась в ночной темноте. Глядя на нее, у него на мгновение даже возникло желание выпустить наружу то сильное предчувствие, что таилось в глубине сердца:

Обязательно должен был быть миг, когда он точно так же всматривался в этого человека.

Ду Шунь: Я не я, ничего не было, хватит нести чушь, можете перестать меня допрашивать?

Пей Чжо: Двух немых? Повтори-ка еще раз?

Цзян Нинье: Жалобный вид, обиженный красавец.

Рыба, задетая в котле (8)

— Молодой господин, время пить лекарство...

Вэй Тао изо всех сил надрывала горло, заставляя А-Чжана лишь досадливо притопывать. Как бы тот ни хмурил брови и ни глядел свирепо, эта девчонка оставалась к нему совершенно глуха.

— Чего ты мне преграждаешь путь? — задрав голову, Вэй Тао с вызовом уставилась на А-Чжана, стоявшего в дверях.

Его синие глаза яростно сверкнули на нее, рука протянулась вперед, требуя, чтобы Вэй Тао отдала ему пиалу с отваром.

Вэй Тао это не понравилось, и они принялись молча сверлить друг друга взглядами, не желая уступать ни на шаг.

Лишь когда из комнаты донесся глухой кашель, Вэй Тао сдалась и сунула пиалу с лекарством прямо в руки А-Чжаню.

— Ну погоди у меня, поганый мальчишка! Пусть я не могу одолеть тебя в драке, но найдется тот, кто живо с тобой расправится! — Вэй Тао уперла руки в боки, а две ее косички затанцевали в воздухе, раскачиваясь из стороны в сторону.

Внутри комнаты Пей Чжо прямо сидел на кушетке; даже будучи больным, он сохранял неизменную аккуратность.

Допив лекарство, он тут же спросил:

— Бывал в селении Цзюхуан?

А-Чжань кивнул и жестами показал:

— Нашел ее дом. Там остались двое стариков. Деньги тоже отдал.

— Люди из Великого судебного приказа тоже приходили?

А-Чжань сначала кивнул, потом покачал головой и продолжил показывать руками:

— Были еще кто-то, но на людей Великого судебного приказа они не похожи.

Пей Чжо пару раз кашлянул; в целом он выглядел гораздо лучше, чем в предыдущие дни, когда погружался в беспамятство.

— Сегодня я снова должен выйти из дома.

А-Чжань широко раскрыл глаза: перед ним рядами возвышались высокие фонари, а уши заполняли звуки эфемерной музыки. Необычайное оживление красного павильона Хунгуань то казалось чарующей волшебной обителью, влекущей за собой, то походило на жуткие чертоги демонов-ракшасов, вытягивающих души.

Ему казалось невероятно диковинным разглядывать эти прекрасные, капризно улыбающиеся лица, и он беспрестанно оборачивался, показывая Пей Чжо то на одно, то на другое.

Шагая вперед, А-Чжань внезапно замер.

Какой-то человек, легонько обмахиваясь веером, спускался по ступеням, и в его фениксовых глазах отражалось все окружающее великолепие. Все вокруг невольно засматривались на него, а иные даже с покрасневшими лицами глуповато улыбались, однако при этом послушно расступались, оставляя ему просторный путь.

— Какая неожиданность, не А-Чжо ли это? — пришедший остановился и сощурил глаза.

Но Пей Чжо видел: тот был вовсе не рад. Пей Чжо слегка кивнул — возможно, из-за царившего здесь тепла его лоб начал сильно гореть. Шум и галдеж гудели в голове накатывающими волнами.

— Подумать только, я и не ожидал, что А-Чжо станет расхаживать по подобным злачным местам, — рукав Цзян Нинъе ненароком задел его одежду. — Пришел навестить какую-то определенную девицу? Я ведь знаю здесь каждую красавицу.

Услышав это, Пей Чжо в упор посмотрел ему в глаза и произнес:

— Я уже давно восхищаюсь талантом девицы Цзун и сегодня здесь, чтобы нанести ей визит.

— Девица Цзун — первая красавица Города Цзи, неужели до тебя, находящегося в дальних

краях, тоже доходили слухи?

— Разумеется.

Выражение лица Пей Чжо ничуть не изменилось.

Цзян Нинъе слолжил веер, и его лицо внезапно помрачнело:

— Вот почему она сегодня такая радостная — оказывается, она ждала тебя.

— Ваше Высочество уже виделся с девицей Цзун? — Пей Чжо по-прежнему сохранял невозмутимость.

— Ступай, она ведь все еще ждет тебя, — Цзян Нинъе разминул с ним плечом и на секунду замер. — А-Чжо еще нездоров, так что не засиживайся надолго, а то заразишь девицу Цзун и сорвешь дела в красном павильоне Хунгуань.

С этими словами он неторопливо удалился.

Проводив взглядом его исчезающую фигуру, Пей Чжо бросил А-Чжаню:

— Жди снаружи.

Только выйдя за дверь, А-Чжань с сожалением оглянулся на красный павильон Хунгуань. Поразмыслив в тени у стены, он резко развернулся и с кошачьей ловкостью взметнулся на крышу третьего этажа. Однако стоило его носкам коснуться черепицы, как А-Чжань почувствовал, что обо что-то ударился.

С глухим стуком глиняный кувшин с вином разлетелся на черепичных скатах, и вокруг разлился густой аромат.

А-Чжань принялся и виновато уставился на человека, стоявшего на крыше.

Перед ним красовался молодой господин в роскошных синих одеждах, ровесник А-Чжаня, с лицом, подобным безупречному нефриту, правда, сейчас его черты слегка исказились от злости.

— Ты еще кто такой?! Живо возвращай мне мое вино! — гневно выпалил юный господин.

— Что значит твое молчание? — в его голосе уже проступали нотки хмеля. — ...Ты что, тоже смотришь на меня свысока?

Заметив, что А-Чжань по-прежнему хранит молчание, молодой господин потерял терпение:

— Верни мне вино! Иначе...

Он склонил голову набок, разглядывая взлохмаченные волосы А-Чжаня, и с языка у него сорвалось:

— Иначе я возьму и потреплю тебя по волосам!

— Не собираешься? — бросил юноша и, не раздумывая, выхватил висевший у пояса меч, со свистом бросаясь на А-Чжаня.

А-Чжань отпрыгнул в сторону, зажав сверкающее лезвие указательным и средним пальцами, но, не выдержав нахлынувшей мощи, стремительно отступил назад. Смутное раздражение всколыхнулось в душе А-Чжаня, но вместе с тем он испытал и некоторое удивление.

Этот парень — отличный противник. Обменявшись парой ударов, А-Чжань быстро пришел к такому выводу. Он невольно надул щеки, из-за приоткрытых губ показался клык, и в его руке тут же блеснул изогнутый нож.

Под дерущимися силуэтами расстился залитый лунным светом Город Цзи, где яркие огни тянулись от подножия красного павильона вдаль, пока не упирались в черные силуэты гор.

В те дни А-Чжань еще мало что понимал и уж тем-более не знал, что спустя годы он неизменно будет вспоминать этот день. Он будет тосковать по блеску меча, который сиял ярче лунного света, словно способный пронзить долгие годы и коснуться всей его одинокой жизни.

Внутри красного павильона колыхались легчайшие, подобные цикадиным крыльям шелковые занавеси.

Женщина, прильнувшая к окну, обернулась, и мерцающий свет свечей отразился в ее глазах. Даже наполовину скрытая маской, она сохраняла неземную, чистую, подобную снегам Тянь-Шаня красоту. Ее брови казались чернее туши на две тона, взгляд лучился водной гладью у Моста Трех Жизней, а виднеющаяся половина лица походила на занесенную глубоким зимним снегом дикую сливу. Она сощурила глаза, и глубина ее зрачков поражала воображение.

— Цзун Ин, — Пей Чжо остановился у порога.

Цзун Ин продолжала смотреть на него, взгляд ее застыл снова и снова, тонкие губы приоткрылись, но не смогли издать ни звука. Ее нефритовая рука медленно коснулась белой вуали, снимая ее с трудом и отрешенной решимостью.

— Цзун Ин, не надо, — попытался остановить ее Пей Чжо.

Однако она осталась глуха к его словам и все же стянула вуаль. В мерцании свечей безупречная, подобная гладкому жиру кожа верхней половины ее лица и сплошь покрытая жуткими шрамами нижняя половина образовали пугающий контраст.

Первая красавица Императорской столицы, главная куртизанка Восточных земель, что с семнадцати лет не показывала лица людям. Оказывается, все выглядело именно так.

Глядя на Пей Чжо, она чувствовала, как глаза постепенно наполняются слезами. Жемчужные капли непрерывно катились из уголков ее глаз, и даже без прежней красоты ее облик трогал до глубины души.

Слишком долго. Она слишком долго блуждала в отчаянии. В этот миг она больше не могла сдерживаться, закрыла лицо обеими руками и горько зарыдала.

Пей Чжо сделал несколько шагов вперед; не зная, как ее утешить, он лишь легко коснулся ее плеча. В прошлые годы на Северных Границах они всегда поступали так.

Только спустя долгое время Цзун Ин немного пришла в себя. Утерев слезы, она постаралась выдавить из себя улыбку:

— Прости, А-Чжань. Мы ведь так редко видимся, а я...

— Все в порядке, — тихо произнес он.

Цзун Ин наполнила две чаши с вином и одну из них пододвинула Пей Чжо. Видя, что тот не движется, она выпила сама. Напоследок женщина горько усмехнулась:

— Все еще не пьешь? И как же ты жил все эти годы?

— Терпел — вот и прожил, — небрежно бросил Пей Чжо.

Она слегка улыбнулась, медленно повернула голову и спросила:

— Слыхал ли ты, почему я стала такой?

Не дожидаясь ответа Пей Чжо, она заговорила сама с собой:

— На девятый год Чжаовэнь, после твоего ухода, все они исчезли. Из клана Цзун осталась лишь я одна, потому что в Управлении Юси решили, что я слишком хороша собой, чтобы меня

убивать.

Так ее продали в Управление Цзяофансы. Бывшая дочь знатного рода Императорской столицы провела там три года, претерпевая унижения и издевательства. Те крохи надежды на жизнь, что теплились в ее груди, постепенно стирались в порошок. Она не раз спрашивала себя: почему они просто не убьют ее? По сравнению с теми мучительными ночами полной борьбы она жаждала лишь смерти.

Но никто не позволял ей уйти из жизни. Во время одного из самых яростных сопротивлений она обожгла углями нижнюю половину своего лица — раз за разом, пока от полного отчаяния больше не смогла удержать в руках раскаленный уголь.

— Ты... — Пей Чжо не смог заставить себя спросить дальше. Каждое слово казалось слишком жестоким.

— Не надо, — взмолилась Цзун Ин. — А-Чжань, умоляю тебя.

На двенадцатый год Чжаовэнь, спустя три дня после того, как она изуродовала себя, в Управлении Цзяофансы появился Князь Цзин Цзян Нинье.

— Ты ведь наверняка тоже видел его. Даже не помня ничего, он остался прежним — глядя прямо в глаза, несет сплошную чушь, — Цзун Ин вдруг рассмеялась. — Он заявил, что я первая красавица Императорской столицы и мне самое место там, где я буду нужнее всего. Так я оказалась в красном павильоне Хунгуань, где мне больше не нужно заниматься грязными делами и общаться с грязными людьми...

— Иногда я завидую ему. Что бы он ни сказал, все принимают за чистую монету, даже если это ложь. И уж точно он не просыпается каждую ночь от кошмаров, в отличие от меня.

Цзун Ин покачала чашу с вином и тяжело вздохнула:

— Но потом я перестала ему завидовать. Никто и никогда не расскажет ему всего, что он хочет узнать. Он никогда не узнает, кто он на самом деле. Он такой же, как я... как и каждый из нас.

— Как жалко.

Выйдя из красного павильона Хунгуань, Пей Чжо остановился под порывами ночного ветра. Его простуда еще не прошла, в голове все еще шумело. Слова Цзун Ин потревожили гладь озера, что обычно оставалась неподвижной, и словно топор в одно мгновение разрушили всю иллюзорную красоту.

Он дал себе клятву больше никогда не позволить тем событиям повториться.

— ...А-Чжань?

Перед Пей Чжо стоял подросток с сильно опухшим лицом, который, чеша затылок, всюду скалил зубы.

Рядом с ним стоял молодой господин в испачканных одеждах и с презрением зыркал на А-Чжаня. Они стояли плечом к плечу, напоминая две потрепанные метелки, способные при малейшем движении поднять облачко пыли.

— Немой, да будь здесь хоть сам хозяин твоего дома, все равно придется раскошелиться на вино! — возмущенно завопил молодой господин, но, повернувшись и заметив Пей Чжо, внезапно ошарашенно задрал голову, и в его глазах тут же вспыхнула радость: — ...Кузен?!

Рыба, задетая в котле (9)

— Кузен, где это ты откопал такого немого? — Ли Шуи склонил голову набок, едва ли не распластавшись на сандаловом кресле в особняке Пея. С вызовом выгнув бровь, он уставился на стоявшего навтыжку А-Чжаня, испытывая к нему смесь брезгливого любопытства.

Пей Чжо почувствовал легкую головную боль. У его деда, старого князя Шу, был один сын и одна дочь; дочь вышла замуж за генерала Нинъяня и родила Пей Чжо, а сын умер рано, оставив единственного наследника — Ли Шуи. Однако Пей Чжо никогда не бывал в землях Шу и лишь много лет назад с трудом смог припомнить единственную встречу с этим двоюродным братом. В то время Ли Шуи был еще младенцем на руках. Так что назвать их близкими знакомыми было никак нельзя.

Ли Шуи же держался так, словно они были лучшими друзьями:

— Кузен, небось, обрадовался, увидев меня? Это воля императора — велела мне прибыть в Императорскую столицу для участия в трауре. Вот я и добрался сюда пару дней назад, да всё некогда было толком известить кузена.

Он закинул в рот виноградину и пробормотал:

— И зачем только старик завещал хоронить себя не в усыпальнице царей Инхай? Понятия не имею, зачем меня сюда сослали.

Пей Чжо бросил на него быстрый взгляд, не зная, правду ли тот говорит. Удельные князья в землях Шу издавна были не из императорского рода, и лишь старому князю Шу первый император пожаловал фамилию Ли. Разная кровь в жилах да еще половина юго-западной армии в руках — естественно, что это навлекало подозрения. Хотя Ли Шуи был молод, его вырастил сам старый князь Шу, а значит, он не мог не понимать этого.

— ...Теперь даже поучиться толком не удастся, — принялся жаловаться Ли Шуи. — Кузен, пару лет назад мне посчастливилось встретить истинного мудреца, который обучил меня врачеванию и владению мечом. Даже если в будущем мне не доведется стать князем Шу, с голоду на улице я точно не помру.

Пей Чжо поставил остывающую чашку чая и неожиданно произнес:

— Как раз кстати: Школа Цанлинь сейчас как раз набирает учеников.

Ли Шуи резко выпрямился в кресле. Он же просто шутил!

— Кузен, я вовсе не это имел в виду...

Пей Чжо продолжил:

— Школа Цанлинь — первая обитель наук на Восточных землях, учеба там тебе определенно пойдет на пользу.

Углы рта Ли Шуи дернулись:

— ...

Пей Чжо снова посмотрел на А-Чжаня, отчего того вдруг пробрал мороз по коже.

— Вы двое отправляйтесь туда вместе.

Когда Ли Шуи в испанике удалился, А-Чжань надул щеки, вовсе не выглядя счастливым. Кто вообще захочет идти грызть этот гранит науки? Он точно не станет!

В этот момент мимо проходила Вэй Тао. Услышав об этом, она состроила А-Чжаню рожицу:

— Маленький немой, раз уж идешь в школу, придется тебе как следует подналечь на учебу! — в душе она ликовала: стоило этому немому убраться, как в особняке снова все будет решать она.

А-Чжань было уже хотел в гневе применить силу, но, бросив взгляд на Пей Чжо, сердито отступил назад, услышав, как тот говорит ему:

— А-Чжань, неужели чужой смех или гнев так много для тебя значат?

А-Чжань сначала кивнул, а потом покачал головой.

— Они не знают тебя, поэтому и заблуждаются на твой счет. Отправившись в школу, не принимай чужие мнения близко к сердцу. Кто ты такой на самом деле — знаешь только ты сам.

Не прошло и нескольких дней, как А-Чжань и Вэй Тао снова сцепились. Конечно, если это можно было назвать спором — ведь голос подавала лишь Вэй Тао, а у другого оставалось лишь гневно таращить глаза.

— Какого хрена ты тащишь в поместье всяких подозрительных личностей? И ты еще зовешься стражником, ни капли бдительности! — Вэй Тао уперла руки в боки, и ее язычок так и трещал.

А-Чжань покосился на ворота, где две сгорбленные старушечьи фигуры поддерживали друг друга. Глаза пожилой женщины были затуманены, и каждый шаг давался ей с трудом. Он уже видел их — в том городке у подножия гор в десятках ли отсюда, как же он назывался... кажется, Цзюхуан.

Это были родственники той девочки, что замерзла на улице в прошлом месяце.

Как ни посмотри, на «подозрительных личностей» они были совсем не похожи. К тому же в руках старухи бережно покачивалась бамбуковая корзина, накрытая поношенной в потрепанных заплатках тряпицей, из-под которой из-за ее спотыкающейся походки выглядывали золотистые куриные яйца.

Выкрик Вэй Тао не только испугал пожилую пару, но и заставил Цзян Нинье, обмахивавшегося веером в дальнем углу двора, нахмуриться.

— Если тебе кажется, что она слишком шумная, просто замени ее, — обратился он к Пей Чжо, продолжая вертеть в пальцах подаренный сегодня стеклянный сосуд. Разноцветные переливы при дневном свете сияли, подобно глади озера, отражая всю ослепительную негу этого мира.

— Какая нужда привела Ваше Высочество к моим дверям нынче? — Пей Чжо не стал церемониться и сразу перешел к делу.

Цзян Нинье чуть приподнял подбородок, обнажая точеный изгиб линии челюсти. В его глазах отражался хрустальный сосуд, и мириады ряби обратились в легкое недоумение:

— А-Чжань, разве навещать друзей в свободное время — не само собой разумеющееся дело?

— Вот как? — в тон ему отозвался Пей Чжо ровным голосом. — Неужели Ваше Высочество не любопытно, почему Великий судебный приказ до сих пор не арестовал меня и не предал суду?

Пальцы Цзян Нинъе замерли, но мгновение спустя он вновь обрел привычную расслабленность.

<http://bllate.org/book/21168/2144693>